

В. В. Акимов

«Вавилонская теодицея» и библейская Книга Екклесиаста

В первой половине XI века до Р. Х. появилась аккадская поэма «Мудрый муж, постой, я хочу рассказать тебе»¹, которую обычно называют «Вавилонской теодицеей». Поэма написана вавилонским жрецом-заклинателем Эсагилкиниуббибом. Начальные клинописные знаки строк этой поэмы образуют акростих: «Я – Эсагилкиниуббиб, заклинатель, чтущий бога и царя»². Поэма имеет форму диалога между Страдальцем и утешающим его Другом. Эта литературная форма сближает данный памятник не только с биб-

¹ *The Babylonian Theodicy* / Translator: Robert D. Biggs // *Ancient Near Eastern Texts Relating to the Old Testament*. P. 601-604

Lambert, W. G. *Babylonian Wisdom Literature* / W. G. Lambert. Oxford, 1960. P. 63-91.

The Babylonian Theodicy / Benjamin R. Foster // *The Context of Scripture*. Vol. I: *Canonical Compositions from the Biblical World*. P. 492-495.

«Мудрый муж, постой, я хочу рассказать тебе...». «Вавилонская теодицея» / Перевод И. Клочкова // *Когда Анну сотворил небо. Литература Древней Месопотамии*. С. 277-285. См. также: *Хрестоматия по истории Древнего Востока*. Ч. 1. С.186-190.

The Babylonian Theodicy / Translator: Robert D. Biggs // *Ancient Near Eastern Texts Relating to the Old Testament*. P. 601-604.

² *Комментарии*. «Мудрый муж, постой, я хочу рассказать тебе...». «Вавилонская теодицея» / И. Клочков // *Когда Анну сотворил небо. Литература древней Месопотамии*. С.415.

лейской Книгой Иова, но и с Книгой Екклесиаста, в которой мы также встречаем скрытый диалог. Как и в Книге Екклесиаста, в вавилонской поэме затрагивается широкий спектр происходящих в мире несправедливостей.

Бедствия Страдальца начались еще с раннего детства, когда он познал участь сироты и нищету. Утешая страдальца, его Друг указывает на то, что смерть – участь всех людей, что успех подается тем, кто чтит богов: «Служащий богу в делах удачлив, // Чтущий богиню копит богатства» (21-22). В начале текста есть упоминание о смерти, но оно не связано с протестом против смерти как таковой. Страдалец жалуется на раннюю смерть родителей. Друг отвечает ему в духе Екклесиаста: смерть – участь всех людей, ее не избежать никому. Слова же Друга о том, что почитание богов обеспечивает процветание, дает человеку богатства, соответствует тому, что мы видим в Еккл. 2:26 – «Человеку, который благ перед Его лицом, Он дает мудрость, и знание, и веселье (הַאֲדָמָה שְׂשׂוּב לְפָנָיו יְהוָה חֵכְמָה וְדַעַת וְשִׂמְחָה), а согрешающему Он дает труд собирать и складывать, чтобы дать благому перед лицом Бога (וְלַכְנוּס לְחַח לְטוֹב לְפָנֵי הָאֱלֹהִים) (וְלַחֲפֹץ יְהוָה עֲנֵן לְאִסוּרֵךְ)».

Страдалец сетует («Сковано тело, нужда меня мучит, // Успех мой минул, прошла удача, // Сила ослабла, кончилась прибыль» (27-29)) и вопрошает друга: «Наступят ли вновь дни счастья?» (33). Друг отвечает: «Что неотступно желаешь, – получишь: // Прежняя сень по молитве вернется» (38-39). Страдалец все еще озабочен только своей судьбой, он хочет вернуться к благополучной жизни, смерть находится вне поля его зрения. Друг высказывает мысль, которая характерна для всех шумеро-аккадских произведений о страданиях праведников – в сложных обстоятельствах человек должен обращаться с мольбой к божеству.

Но Страдалец подчеркивает, что он обращался к богам, а спасения не последовало: « ... Богу молился, // посвящал я жертвы богине, но не услышано мое слово» (54-55). Друг снова настаивает на том, что в мире действует закон воздаяния: «Взгляни на красавца-онагра в долине, –

// строптивца, что нивы топтал, – стрела опрокинет. // На льва посмотри губителя стад, о котором ты вспомнил, – // За преступленья, что лев совершил, ему уготована яма. // Богача, что имущество в кучи сгребает, // Царь на костре сожжет до срока. // Путиами, что эти идут, пойти и ты желаешь? – // Лучше ищи благосклонности бога!» (59-66). Страдалец выражает крамольную мысль о бесполезности жертв. Такого рода мысль посещала и Екклезиаста (Еккл. 9:2). Однако у библейского мудреца она связана с перспективой смерти. Что касается ответа Друга, то его убежденность в неизбежном наказании зла также созвучна убежденности Екклезиаста (Еккл. 6:26; 3:17; 8:5, 8, 11-13; 11:9).

Страдалец опровергает существование закона справедливости: «Идут дорогой успеха те, кто не ищет бога, // Ослабли и захирели молившиеся богине. // Сызмальства следовал я воле божьей, // Простершись, с молитвой искал богиню, // Но я влек ярмо бесприбыльной службы, – // Бог положил вместо роскоши бедность; // Дурак впереди меня, урод меня выше, – // Плуты вознеслись, а я унижен» (70-77). В ответ Друг говорит о необходимости соблюдать обряды богов, ссылаясь на непостижимость решения богов: «Истину ты отвергаешь, предначертанья бога поносишь! // ... // Точно середина небес мысли богов далеко; // Слово из уст богини не разумеют люди. // Верно понять решенья богов заказано человекам, // Замыслы их для людей недоступны» (79, 82-85). Слова Страдальца о благоденствии нечестивцев и о страдании его, как праведника, напрямую связано с отрывками Еккл. 7:15; 8:14. Ответ Друга на это соответствует тому ответу, какой мы находим в Книге Екклезиаста в связи с подобными же недоумениями. Это ответ о божественном превосходстве (Еккл. 7:13-14) и непостижимости божественных замыслов (Еккл. 8:16-17).

Возмущенный Страдалец решает оставить жертвоприношения: «Жертвы богу презрю, божьи меры нарушу. // Бычка зарежу, что назначен был богине в пищу» (134-135). Вспоминает Страдалец и происходящие в мире социальные перевороты: «В жалкое рубище одет царевич – // В роскошный наряд облачен сын бедняка и голодранца. // Кто

солод стерег – золотом владеет, // Кто мерой червонное мерил – тяжкую ношу таскает. // Кто ел одну зелень – пожирает обед вельможи, // А сыну почтенного и богатого – дикий плод пропитанье!» (181-186). Друг же продолжает настаивать на том, что в мире действует закон воздаяния: «Кто ритуалы совершает – от тяжких трудов избавлен. // ... // Голову держит высоко, имеет то, что желает. // Следую стезею бога, храни его обряды» (214, 216-217), «Без бога мошенник владеет богатством? // Оружье убийцы его достигнет! // Что твой успех, если воли божьей не ищешь? // У влачащего божье ярмо достаток скромный, но верный. // Найди дыханье у бога – // И что за год утратил – восстановишь тотчас» (237-242). Страдалец снова говорит о бесполезности жертвоприношений, о том, что лучше не переводить пищу на богов, а есть ее самому – мысль, которая посещала и древних египтян (см. «Песнь арфиста»). Но далее Страдалец начинает смотреть на проблему несправедливости шире, он обращает внимание на социальные катаклизмы, которые превращают богатых в бедных и бедных в богатых. И то, как он это выражает, очень близко к аналогичным словам Екклезиаста: «Глупость поставляется на больших вершинах, а богатые сидят внизу (בְּשֹׁפֵל יֹשְׁבוּ). Я видел рабов на лошадях, а вельмож ходящих по земле как рабы (נָתַן הַסֶּכֶל בְּמִרוֹמַיִם רַבִּים וְעֹשִׂירִים הַלְכִים כְּעֲבָדִים עַל־הָאָרֶץ)» (Еккл. 10:6-7). Друг в ответ на это напоминает Страдальцу о важности почитания богов, о том, что наказание неизбежно и бог в силах вернуть утраченное Страдальцем. В этой связи вспоминаются слова Екклезиаста о том, что Бог иногда медлит с воздаянием, но наказание неизбежно: «Когда не скоро делается приговор злым делам (אֲשֶׁר אֵי־נִעְשָׂה פִתְנָם מַעֲשֵׂה הַרְעָה מִהֶרָה), тогда полно сердце сынов человеческих деланием зла (בָּהֶם לַעֲשׂוֹת רָע). Хотя согрешающий делает зло сто раз и продолжает это (אֲשֶׁר הִטָּא עָשָׂה רָע מֵאָח וּמֵאָרִיךְ לוֹ), но я также знаю, что будет благо боящимся Бога (יְהִי־טוֹב לְיִרְאֵי הָאֱלֹהִים), которые будут бояться Его лица (מִלְּפָנָיו) (כִּי גַם־יִירָדַע אֲנִי אֲשֶׁר יִירָאוּ). И не будет блага злему (וְטוֹב לֹא־יְהִיָּה לְרָשָׁע), и не

продлится днями, как тень (וְלֹא־יֵאָרֶיךָ יָמִים כְּצֶלֶל), тот, кто не боялся лица Бога (אֲשֶׁר אֵינְנִי יָרֵא מִלְּפָנֵי אֱלֹהִים)» (Еккл. 8:11-13).

Но Страдалец отвергает аргументы друга, опираясь на свой личный опыт: «Что получил я от бога, которому поклонялся? // Пред теми, кто ниже меня, я склоняюсь, // Презирают меня и последний, и богатый, и гордый» (251-253). Другу же остается снова ссылаться на непостижимость божественного замысла: «Как середина небес, сердце бога далеко, // Познать его трудно, не поймут его люди. // ... // Видят, да не поймут божью премудрость люди» (256-257, 264). Аргумент о непостижимости божественного замысла является одним из излюбленных для Екклезиаста, да и в целом диалог развивается в духе библейской книги. Например, в 8 главе рассуждения выстраиваются таким образом: человек должен быть верен Богу, хранить Его заповеди (Еккл. 8:1-5), потому что человек – существо ограниченное (Еккл. 8:6-8), в мире может торжествовать зло, божественный суд может откладываться (Еккл. 8:9-11), но праведник будет вознагражден, а нечестивец – наказан (Еккл. 8:12-13), порой праведники страдают, а нечестивцы благоденствуют (Еккл. 8:14), но человек не в силах проникнуть в божественные замыслы, постичь божественные дела (Еккл. 8:16-17).

Страдалец опять свидетельствует о торжестве в мире социальной несправедливости: «Превозносят важного, а он изведаль убийство, // Унижают малого, а он зла не делал. // Утверждают дурного, кому правда – мерзость, // Гонят праведного, что чтит волю бога. // Золотом наполняют ларец злодея, // У жалкого пропитанье из закрома выгребают. // Укрепляют сильного, что с грехом дружен, // Губят слабого, немощного топчут. // И меня, ничтожного, богач настигает» (267-275). Данная тема, тема несправедливых притеснений бедных людей со стороны алчных богачей также затрагивается Екклезиастом, который говорит о совершении беззакония в человеческих судах (Еккл. 3:16), об угнетении слабых со стороны сильных (Еккл. 4:1), о притеснении бедных людей со стороны богатых (Еккл. 5:7).

Заканчивается поэма словами Страдальца о его надежде на помощь богов, которые оставили его: «Боги, что бросили меня, да подадут мне помощь! // Богиня, что отвернулась, да возымеет милость! // Пастырь, солнце людей, как бог, пасет человек!» (295-297). Такое в целом оптимистическое окончание поэмы с упоминанием о пастыре, соответствует настроению эпилога Книги Екклезиаста, в котором также упоминается пастырь и имеется призыв бояться Бога и соблюдать Его заповеди (Еккл. 12:11-14).

Итак, жалобы страдальца, которые перемежаются словами друга, выражающего традиционный взгляд на воздаяние, весьма напоминают сетования Екклезиаста, которые в библейской книге также перемежаются с утверждениями о действии в мире принципа воздаяния. Вавилонский автор в речах страдальца изображает картину существования всеобщей несправедливости, картину, напоминающую Книгу Екклезиаста. Несчастья постигают благочестивых людей, а праведники страдают, в мире нет социальной справедливости, угнетают слабых и бедных, происходят социальные катаклизмы. Впрочем, страдалец, как и автор который не решается прямо обвинить богов в несправедливости. У них только возникает сомнение в необходимости богопочитания, исполнения божественной воли, совершения жертвоприношений. Не смотря на оптимистичное настроение последних строк, проблема, поставленная в тексте вавилонской поэмы, остается не решенной. Страдалец намерен обращаться к богам, но будет ли он услышан богами – неизвестно. Возможно, Страдалец просто понимает, что никакой иной более или менее внятной альтернативы, кроме смирения перед богами, у него нет. Эта ситуация напоминает то, с чем мы сталкиваемся в Книге Екклезиаста, в которой показывается, что без Бога существование мира и человека теряет всякий смысл, и предлагается сделать выбор между признанием Бога, верностью Богу и признанием полной бессмысленности всего.

Однако в Книге Екклезиаста есть нечто большее. Все сетования Книги Екклезиаста проходят на фоне темы смерти, той темы, которая в месопотамском тексте не получает

развития. Тема смерти поднимает в библейском тексте тему суда с намеком на загробное воздаяние. Книга Екклесиаста имеет устремленность к новозаветному откровению. Месопотамская же поэма предлагает нам снова и снова возвращаться в бесконечном замкнутом круге размышлений о страданиях, несправедливости в мире, о воздаянии и непостижимости божественной воли.